

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕКРЫЛОВ

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой российской истории
Национального исследовательского
Томского государственного университета,
Томск, Россия;
e-mail: medicinahistory@yandex.ru

АЛЕКСЕЙ ОЛЕГОВИЧ СТЕПНОВ

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
лаборатории социально-антропологических исследований
Национального исследовательского
Томского государственного университета,
Томск, Россия;
e-mail: brothe.numbl@gmail.com

**Конфликты в сообществе Императорского
Томского университета:
к вопросу об основаниях конфликтов в университетах
Российской империи конца XIX — начала XX в.**

УДК: 378.4(571.16)“1888/1917”

DOI: 10.24412/2079-0910-2021-3-39-59

На материалах делопроизводственной документации, официальной переписки, периодической печати, источников личного происхождения исследуются предпосылки формирования (основания) конфликтов в Императорском Томском университете. Целью исследования является характеристика этики российского университетского сообщества конца XIX — начала XX в. в связи с основаниями этих конфликтов. Основными методами исследования стали сравнительно-исторический метод и метод исторического абстрагирования. Для достижения цели конфликты в сообществе Императорского Томского университета рассматриваются с точки зрения ряда противоречивых тенденций. Это противоречия между личными и корпоративными интересами участников конфликтов, обнародованием конфликтов и герметизацией их в стенах университета, наконец, приверженностью демократической этике и необходимостью выстраивать конфликтное поведение в зависимости от этики консервативно-охранительной. Основные обвинения контрагентов конфликтов в адрес друг друга, стратегии их конфликтного поведения, роль в конфликтах ректора Томского университета, попечителя Западно-Сибирского учебного округа и чиновников Министерства народного просвещения обнаруживают сосуществование в университетской этике двух альтернативных начал. С одной стороны, противоречивая этическая система разделяла университетское сообщество на две группы. Это разделение отчасти проходило по критерию политического мировоззрения.

© Некрылов С.А., Степнов А.О., 2021

Вместе с тем ситуация конфликта ставила их участников перед необходимостью удовлетворять требованиям одновременно двух во многом противоречащих друг другу этических кодексов. Преимущества, соответственно, получали те участники конфликтов, которые ставили своих противников перед нереализуемым выбором: между саморазоблачением, или добровольным поражением в конфликте, в качестве приверженца власти (как частный случай, доносчика) и эскалацией конфликта в качестве уже его разжигателя. В первом случае участник конфликта обрекал себя на осуждение коллег, во втором — на немилость начальства. Подчеркивается, что профессора, оказавшиеся в условиях такого выбора (С.И. Коржинский, М.А. Рейснер, П.М. Богаевский, П.И. Ляшенко и ряд других), добровольно или принудительно покинули Императорский Томский университет.

Ключевые слова: университет, историческая конфликтология, корпоративная этика, профессор, Российская империя.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-311-90003.

Одним из актуальных направлений современной исторической университетологии являются исследования этики взаимоотношений в пространстве классических университетов. Внимание здесь нередко уделяется конфликтным ситуациям как наиболее релевантным обозначенной теме, ведь конфликт демонстрирует те аспекты внутренней жизни университета, которые в контексте нормативной повседневности остаются скрытыми от наблюдателя. Конфликт отражает корпоративную этику во всей ее противоречивости; отсюда проистекает эвристическое значение исторической конфликтологии применительно к истории этики классических университетов.

Обратимся к основным положениям историографического дискурса избранной темы, рассмотренной в реалиях истории университетов Российской империи конца XIX — начала XX в. В социологических исследованиях подчеркивается, что, несмотря на статусные, личностные, концептуальные аспекты научных конфликтов в целом, последние могут рассматриваться и с сугубо личностной точки зрения [Баранец, Веревкин, Савинова, 2012]. То есть за видимой академичностью мы можем встретить довольно грубые амбиции инициаторов конфликтов. В данном случае не приходится говорить о специфических чертах непосредственно университетских конфликтов в сравнении с иными корпоративными группами. С другой стороны, заметным является стремление ряда историков исследовать конфликт сквозь призму как корпоративной этики университетского сообщества, так и социально-политического, культурного контекста развития государства и общества. Таким образом рассматриваются университетские конфликты, пришедшиеся на тот период, когда пост министра народного просвещения Российской империи занимал Л.А. Кассо. Речь прежде всего об истории С.-Петербургского университета, что нашло отражение в трудах О.М. Беляевой, Е.В. Ростовцева, А.В. Свешникова и др. [Беляева, 2011; Ростовцев, 2017; Свешников, 2005, 2009]. Последний в своих статьях предпринял попытку историко-социологического обобщения академических конфликтов исследуемого периода на материалах, преимущественно касающихся

конфликта И.М. Гревса и Л.П. Карсавина. А.В. Свешников предложил базовые закономерности академических конфликтов касательно типологии их участников, доминирующих форм конфликтной коммуникации (слухи, сплетни, переписка), роли «идеала науки», наконец, способов осмысления конфликтов, которые, с точки зрения историка, вытеснялись из официального поля дискурса университетов и «оседали» в «закулисье» и источниках личного происхождения.

Существенной является тенденция в историографии рассматривать академические конфликты дореволюционной России в сопряжении с институтом попечителей учебных округов. Здесь следует выделить исследования А.В. Антощенко, М.В. Новикова и Т.Б. Перфиловой, И.В. Черказьяновой [Антощенко, 2012; Новиков, Перфилова, 2013; Черказьянова, 2005]. Эта исследовательская оптика, в свою очередь, частным образом соотносится с проблемой взаимоотношений власти и научной интеллигенции. Конфликты в императорских университетах России действительно своим источником часто имели противостояние профессоров и студентов экспансии самодержавного режима в различных его проявлениях.

Хотелось бы, однако, отметить, что материал, предложенный к рассмотрению в настоящей статье, позволяет нам иначе взглянуть на ряд имеющихся в историографии положений. Это, к примеру, тезис А.В. Свешникова относительно «замалчивания» конфликтов как характерной черты их. Заметим, что сама по себе дихотомия публичности/келейности конфликтов является проблемной, что нам предстоит рассмотреть. Не во всех отношениях бесспорным выглядит опыт обобщения и унификации этических норм, а также репрезентации этики дореволюционной высшей школы России как монолитной [Gribovskiy, Sorokin, 2019]. Целью нашего исследования, таким образом, будет характеристика ряда конфликтов в Императорском Томском университете (далее также — ИТУ) в связи с не вполне определенными аспектами этики русского университетского сообщества в конце XIX — начале XX в.

Тему предлагается рассмотреть на материалах по истории сообщества Императорского Томского университета. В ряде исследований, принадлежащих и авторам настоящей статьи, эти конфликты рассмотрены достаточно детально [Некрылов, 2013; Степнов, Некрылов, Фоминых, 2018; Fominykh, Stepnov, 2018; Фоминых, Степнов, 2019b]. Сейчас, однако, наше исследование направлено на выделение в них базовых начал и противоречий.

Императорский Томский университет учрежден по указу Александра II в 1878 г. В 1888 г. это высшее учебное заведение начало свою работу в составе одного медицинского факультета. В 1898 г. был открыт юридический факультет. Значительная часть доступных для исследования конфликтов в ИТУ возникала в среде юристов. Трудно судить о причинах этого. Быть может, они кроются в самих установках на репрезентацию конфликта. Заметно, например, выделяются либеральные устремления профессоров-юристов, которые не избегали соблазна превращать возникавшие в стенах университета конфликты в подобие публичного процесса, где главным залогом справедливого исхода является сила общественного мнения. В то же время конфликты в среде медиков ИТУ остались практически не зафиксированными. Правомерно допустить, что отказ от вынесения «сора из избы» явился следствием консервативного дискурса, который в исследуемый период непременно включал приверженность принципу корпоративной солидарности даже в тех случаях, когда интересы корпорации были сопряжены с уроном личным интересам.

Дилемма между приверженностью личным, своекорыстным, временами связанным с карьеристскими устремлениями, интересам и, с другой стороны, интересам коллективным, бесспорно, являлась актуальной для профессоров — современников исследуемой эпохи. Это одно из базовых оснований для возникновения конфликта. Действительно, обвинение в карьеристских устремлениях, по сути, положило начало конфликту профессоров П.М. Богаевского и Н.Я. Новомбергского. В период 1910–1911 гг. на юридическом факультете ИТУ дважды состоялись выборы декана. Однако оба избранных декана — профессор И.А. Малиновский, а затем М.И. Боголепов — не были утверждены Министерством народного просвещения. В результате на факультете сложилась кризисная ситуация, частью которой были слухи о назначении декана министерством. Разумеется, фигура «назначенца» была обречена на остракизм со стороны коллег, но вместе с тем обретала карьерные перспективы.

24 сентября 1911 г. на страницах томской газеты «Сибирская жизнь» была опубликована заметка, в которой без ссылки на источник сообщалось, что после очередного заседания факультета 17 сентября того же года в частном порядке исправляющий должность ординарного профессора по кафедре государственного права П.М. Богаевский высказал предположение о том, что назначен деканом будет он. Несмотря на то что Богаевский публично отказался от авторства этих слов¹, случившееся симптоматично само по себе, ведь эта газетная заметка послужила триггером для довольно длительного конфликта, который, заметим, завершился решением П.М. Богаевского уволиться из Томского университета.

В ходе конфликта выяснилось, что слова о возможном назначении деканом были приписаны Богаевскому ординарным профессором по кафедре полицейского права Н.Я. Новомбергским. Оставим вопрос о том, насколько добросовестно последний передал слова своего коллеги: вероятнее всего, Новомбергский как минимум допустил излишнюю вольность в их интерпретации. Важен сам факт корпоративной неприемлемости следования личным интересам в определенных ситуациях. Недаром П.М. Богаевский почувствовал себя оскорбленным. Личные интересы Богаевского в том виде, в котором они были ему приписаны, оказались в противоречии с коллективными интересами корпорации — профессоров юридического факультета ИТУ и университетского сообщества в целом, так как принятие должности декана по назначению претило традициям университетской автономии.

Н.Я. Новомбергский, главный проводник рассматриваемого конфликта, последовательно педалировал тему превалирующих личных интересов своего контрагента и эгоцентрических проявлений его личности. «Истерическая настойчивость», то и дело перераставшая в «скандальное личное столкновение»; склонность «к дрызгам»; «изумительных пределов <...> распоясанность»; пристрастие к сквернословию, брани и даже рукоприкладству — таков неполный список обвинений Н.Я. Новомбергского в адрес П.М. Богаевского².

В своей версии разговора, состоявшегося 17 сентября 1911 г., которая была отражена в рапорте на имя ректора ИТУ И.А. Базанова, П.М. Богаевский сообщил небезынтересную в нашем контексте деталь. По сообщению Богаевского, в частном разговоре он тогда высказал исполняющему обязанности декана юридического факультета ИТУ М.Н. Соболеву ввиду «своевременного принятия мер в интересах

¹ Сибирская жизнь. 1911. 30 сентября.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2707. Л. 95.

обеспечения преподавания» о своем возможно скором переходе на работу в Императорский университет Св. Владимира (Киевский). Присутствовавший при этом разговоре Н.Я. Новомбергский, как отмечал Богаевский, «вставил реплику, раздражившую меня, каковую я оставил без ответа»³.

Следует сказать, что, несмотря на ряд предпочтений в виде повышенных в сравнении с университетами Европейской России окладами, привилегированными условиями выхода на пенсию, а также условиями, благоприятствовавшими ускоренному карьерному росту (защита докторской диссертации и получение профессорского звания), служба в Императорском Томском университете рассматриваемого периода была сопряжена с известными трудностями. Это и суровый климат, и неразвитая городская среда, и коммуникационная оторванность от европейских научно-образовательных центров. Вместе с тем служба в этом университете заключала в себе широкие исследовательские возможности, прежде всего, конечно, для специалистов в области естественных наук. Говорится в литературе и об идеалистических мотивациях [*Профессора*, 1996, с. 5–6], которые трудно было реализовать без ущерба интересам личным. Отсюда вытекает корпоративная установка ИТУ, которую можно охарактеризовать как миссию, связанную со службой в этом вузе. Заметим, что встречались профессора, предпочитавшие по получении профессорского звания возвращаться в европейскую часть России. Те же, кто оставался, безусловно, были обременены своеобразным коллективным интересом. Таким образом, намерение Богаевского в скором времени оставить Томский университет противоречило этому коллективному интересу и, скорее всего, косвенно способствовало возникновению конфликта. Характерным в этом смысле выглядит и обличительный пафос Н.Я. Новомбергского, который уже в завершение конфликта, в феврале 1912 г., сообщил в своем письме на имя ректора ИТУ о том, что Богаевский назвал Томский университет «помойной ямой»⁴. Новомбергский добавил, что это было «недопустимым оскорблением университета».

Областью высокого риска противоречивого столкновения личных и коллективных интересов в университетах Российской империи были так называемые профессорские гонорары. М.В. Грибовский отмечает, что гонорарная система является иллюстрацией кризиса российских университетов конца XIX — начала XX в. [*Грибовский*, 2018, с. 162]. Вокруг профессорских гонораров действительно сложилась известная неопределенность. С одной стороны, с чем соглашались сами профессора, гонорар представлял собой порочную практику, поскольку ставил преподавателей в двусмысленную материальную зависимость от студентов и слушателей университетов. Критическое отношение к гонорарной системе было характерно, вероятно, для большинства профессоров Российской империи. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что гонорары значительно увеличивали доходы университетских профессоров, в особенности членов юридических факультетов, традиционно популярных среди абитуриентов. Гонорары, а также частные практики в совокупности с весьма солидными окладами университетских профессоров делали последних не просто состоятельными, но нередко и богатыми людьми.

Отношение к гонорару усложнялось той моральной ответственностью перед учащимися, которую испытывали профессора, часто сами помнившие о том, что та-

³ Там же. Л. 56.

⁴ Там же. Ф. 102. Оп. 9. Д. 62. Л. 81.

кое студенческая материальная нужда. «Гонорарная вина» компенсировалась весьма распространенной традицией томских профессоров участвовать в благотворительности в пользу нуждающихся студентов, прежде всего через Общество вспомоществования учащимся, что, впрочем, не всем было под силу. Вновь мы встречаем конфликтное переплетение личных и коллективных интересов. В 1896 г. профессор общей химии ИТУ Е.В. Вернер обратился к ректору А.И. Судакову с просьбой не производить с него впредь отчислений в размере 10% от профессорского гонорара в фонд стипендии им. Императора Николая II. Как ни странно, Вернер, который в силу своей специальности не мог вести частную практику, сослался на невозможность нести такие расходы при «дороговизне условий жизни в Томске»⁵.

После отмены с 1 января 1917 г. гонорарной системы сохранялась ее конфликтная инерция. С одной стороны, закон от 3 июля 1917 г. «О временном улучшении материального положения профессоров Императорских российских университетов и Демидовского юридического лицея и об изменениях некоторых постановлений Устава Императорских российских университетов» предусматривал увеличение содержания ординарных профессоров. Со всем тем увеличение это едва ли могло покрыть убытки от отмены гонораров, в первую очередь для юристов. Это не было секретом для современников, о чем свидетельствует, к примеру, запись из дневника ординарного профессора Московского университета М.М. Богословского⁶. На весну же 1917 г. выпал конфликт на юридическом факультете ИТУ. Ранее в ходе исследования этого конфликта выяснилось, что в основе его лежали как личные антипатии между членами факультета, так и материальная подоплека [*Степнов, Некрылов, Фоминых, 2018*].

Стартовой точкой этого конфликта послужила инициированная профессором по кафедре финансового права С.И. Солнцевым еще 27 августа 1916 г. (т. е. после принятия закона, но до вступления его в силу) попытка переизбрания декана и секретаря юридического факультета. Поскольку, как справедливо отмечал позднее П.И. Лященко, никаких оснований для досрочной процедуры переизбрания не было⁷, Н.Я. Новомбергский сделал не совсем лицепрятное для С.И. Солнцева предположение, что в основе этой инициативы лежало увеличившееся по закону от 3 июля жалование деканов и секретарей факультетов Императорских университетов⁸. С теми же, глубоко «личными», мотивами Н.Я. Новомбергский связывал противодействие избранию на вакантные кафедры факультета со стороны профессоров С.П. Мокринского и П.А. Прокошева, которые в случае пополнения штата лишились бы дополнительных заработков. С другой стороны, претензии со стороны группы из пяти профессоров в целом касались неэффективного руководства факультетом, что снова смещало фокус с личных интересов на коллективные.

⁵ Особое мнение Ректора Императорского Томского университета орд. проф. А.И. Судакова // Мнения членов Совета Императорского Томского университета относительно предложенных г. министром народного просвещения изменений в действующий Университетский устав 1884 г. Томск: Тип. Епархиального братства, 1901. С. 55.

⁶ Богословский М.М. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного исторического музея. М.: Время, 2011. С. 105–106.

⁷ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1061. Л. 34 об.

⁸ Сибирская жизнь. 1917. 23 апреля.

Таким образом, академические конфликты фундаментализировались трудностями в маркировке личных и коллективных интересов. Противоречия обострялись и тем, что личное подчас маскировалось под коллективное, и наоборот. Добавим к этому сложности идентификации личных и коллективных интересов. Сама по себе ситуация конфликта отнюдь не облегчала эту задачу, а, напротив того, ставила в сложное и даже неловкое положение тех лиц или инстанции, которые выступали третейскими судьями. До 1917 г. роль последних в основном исполняли ректор ИТУ и попечитель Западно-Сибирского учебного округа. Весной 1917 г. для решения возникших на юридическом факультете противоречий была создана следственно-резолютивная комиссия, которую возглавил директор Томского технологического института (далее — ТТИ) И.И. Бобарыков.

Эстетику судебных процессов конфликтам в ИТУ, кроме наличия «судей» и «присяжных», придавала и, как ранее уже отмечалось, публичность происходившего, участие в качестве «зрителей» процесса городских обывателей и студентов. Последние нередко использовались сторонами для достижения преимуществ в конфликтном противостоянии или по крайней мере становились «камнем преткновения». Так, в сферу повседневных забот В.М. Флоринского в качестве попечителя Западно-Сибирского учебного округа входило студенчество. В письме от 14 сентября 1892 г. на имя министра народного просвещения И.Д. Делянова В.М. Флоринский писал: «Со времени открытия Томского университета главной моей заботой по отношению к студентам было охранять их от растлевающего влияния ссыльно-политической городской среды. <...> Не скрою от Вашего Сиятельства, что первые два года, пока политические ссыльные не были удалены из Томска, о чем я неоднократно просил, мне предстояло очень много личных хлопот для противодействия их влиянию, не имея должного содействия и поддержки со стороны местной администрации и членов правления...»⁹.

Еще в начале 1890-х гг. Флоринский выражал имевшую место с момента открытия ИТУ свою обеспокоенность «популярностью» в среде студентов профессоров С.И. Залесского, А.С. Догеля, С.И. Коржинского — «ревностных защитников слабостей и шалостей молодого поколения». Со ссылкой на материалы газеты «Восточное обозрение» (1889, № 46) В.М. Флоринский упомянул однажды о том, как в начале 1889/1890 уч. г. «на студенческом вечере в день первого студенческого акта (22 октября 1889 г.) студенты чествовали своих любимцев качанием на руках, произнесением им хвалебных речей, и сами выслушивали от них такие же дружные признания»¹⁰. В результате «либерального», по мнению В.М. Флоринского, отношения к проступкам студентов все три вышеперечисленные профессора в 1889 и 1890 гг. были выведены из состава Правления ИТУ, а А.С. Догель освобожден также от обязанностей секретаря медицинского факультета.

Забота В.М. Флоринского о «ментальной безопасности» студентов, судя по всему, порой доходила до отстранения их от участия в интеллектуальной жизни, выходящей за пределы университетских занятий. Так, в отчете о командировке в г. Томск для осмотра Императорского Томского университета и учебных заведений города от 21 сентября 1893 г. члена совета Министерства народного просвещения В.К. фон Анрепа указывалось, как на годовом заседании Общества естествоиспы-

⁹ Национальный музей республики Татарстан (НМРТ). Ф. П-40. № 117959-875.

¹⁰ Там же. № 117959-226.

тателей и врачей при ИТУ, состоявшемся 25 сентября 1890 г., избранный первым его председателем В.М. Флоринский «приказал, и, как говорят, в довольно грубой форме, многочисленным студентам, наполнявшим аудиторию, удалиться».

Впрочем, кажется, в данном случае сработал обратный задуманному эффект, и репутация В.М. Флоринского, которого и без того со времени исполнения им обязанностей строителя Томского университета не жаловала местная пресса, потерпела урон. Главное же, что жизнь университета под воздействием механизма стихийных массовых коммуникаций вступила за его стены. В самом деле, далее в том же отчете Анрепа мы читаем: «...точас появилась городская сплетня, что студенты были удалены потому, что Флоринский знал, что речи его студенты не будут аплодировать, тогда как говорящему после него профессору Коржинскому готовится овация. Как бы то ни было, но студенты обиделись, а многие члены Общества приняли сторону студентов»¹¹.

По аналогии с дихотомией личных/коллективных интересов в системе оснований университетских конфликтов мы можем, таким образом, предположить, что опыт элиминации публичного формата, с одной стороны, устраняет основание для конфликта как такового, но в то же самое время служит его источником. Парадоксально, но попытки попечителей Западно-Сибирского учебного округа всячески избежать «опубликования» внутренней жизни Императорского Томского университета, в частности конфликтов, оборачивались обратным эффектом. Поведение студенчества в конфликтах в данном случае наиболее рельефно демонстрирует это противоречие. Поясним это тем, что студенты в конфликтах выступают главным медиатором информации между университетом и городским обществом в целом. Механизмом этой медиации становятся слухи и сплетни, на которых сделал акцент, в частности, Анреп.

Кроме того, со стороны административных служащих и консервативно настроенной профессуры студент, бесспорно, занимал скорее внешнее по отношению к университету положение. Студент, с этой точки зрения, — это своего рода «клиент», но не часть корпорации. Разумеется, однако, что далеко не все профессора разделяли эту позицию. Немало среди них было и тех, кто пользовался популярностью среди учеников, относился к последним как к равноправным личностям и мог рассчитывать на их поддержку в острые моменты противостояния с коллегами по цеху. Студенты ИТУ всегда проявляли заметную активность, живо откликаясь на вызовы истории, в том числе принимали участие в студенческих волнениях 1899 г., событиях Русской революции 1905–1907 гг. и т. д. Трудно сказать, однако, в какой степени политической была эта активность [Иванов, 2010, с. 35; Фоминых, Степнов, 2019а, с. 165–166].

Чтобы наглядно проиллюстрировать наше положение о публичной стороне университетских конфликтов и роли студентов в них, обратимся к конфликту, связанному с деятельностью М.А. Рейснера в качестве профессора ИТУ. Осенью 1902 г. М.А. Рейснер по возвращении из заграничной командировки прочитал в университете две лекции, вызвавшие резонанс в среде студентов и городе в целом. О содержании первой из них стало известно по анонимному сообщению в газете «Сибирская жизнь», опубликованному в номере от 10 октября 1902 г. Посвящена

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 150. Д. 941. Л. 268.

была лекция сравнительному анализу роли государства и права в общественном развитии России и Европы. Вторая лекция содержала рассуждения профессора о непростой жизни в Российской империи вообще и Сибири в частности. Рассуждения эти были связаны с безвременной кончиной экстраординарного профессора по кафедре финансового права ИТУ П.С. Климентова. Содержание и этой лекции было предано публичности, на этот раз, впрочем, в авторизированном формате. Автором был студент 1-го курса юридического факультета ИТУ С. Чадов. В развитие конфликта Рейснер отрекся от тех положений, которые были приписаны ему в газетных публикациях, что, в свою очередь, привело к конфликту с Чадовым. Но главным контрагентом Рейснера в этом конфликте все-таки выступил ректор ИТУ профессор А.И. Судаков.

Так же как и В.М. Флоринский, А.И. Судаков отличался довольно консервативными взглядами и дорожил своей миссией охранителя спокойствия в первом сибирском университете. Судаков со всей определенностью придерживался принципа неприемлемости вынесения конфликта за пределы университета. В своем ходатайстве от 15 апреля 1903 г. об увольнении профессора Рейснера от занимаемой им должности на имя попечителя Западно-Сибирского учебного округа А.И. Судаков писал: «С нравственной точки зрения деятельность профессора Рейснера по некоторым ее проявлениям должна быть признана несовместимой со служебным долгом и не согласной с достоинством члена университетской корпорации»¹². Однако именно заботы Судакова, направленные на разбирательство относительно двух заметок из газеты «Сибирская жизнь», в сущности, положили начало этому конфликту.

«Молва» предшествовала двум лекциям профессора М.А. Рейснера. Среди желающих послушать их были студенты ИТУ и ТТИ. Инспектор студентов ИТУ В.П. Григорович в своем донесении управляющему Министерством народного просвещения С.М. Лукьянову подчеркивал: «Большое стечение студентов на лекцию профессора Рейснера объясняется между прочим сенсационными предуведомлениями в местной газете “Сибирский вестник” и слухами, кем-то распространенными между студентами и в обществе, что профессор Рейснер 7 октября прочитает лекцию по государственному праву, по одним слухам, вступительную, по другим, даже публичную, притом еще в актовом зале»¹³.

Объявления о предстоящих лекциях профессора действительно были опубликованы на страницах газеты «Сибирский вестник» в разделе «Местная хроника». Назвать их «сенсационными», однако, довольно трудно: в них выдержано беспристрастие, вполне свойственное такого типа газетным материалам¹⁴. Ажиотаж вокруг лекций Рейснера мы можем объяснить двумя факторами. Во-первых, выступления М.А. Рейснера в силу красноречия ученого пользовались популярностью среди студентов и горожан. Это подтверждается в воспоминаниях студента ИТУ К.М. Гречишева¹⁵. Во-вторых, в столь отдаленном городе, как Томск, известия о европейских странах не могли не вызвать самого широкого интереса. К тому же рассказ лектора

¹² ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 93 об.

¹³ Там же. Л. 14–14 об.

¹⁴ Сибирский вестник, 1902. 1 октября; 5 октября.

¹⁵ Гречишев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 406.

о его заграничной командировке в формате лекции принадлежал к «старому академическому обычаю», что признавал и А.И. Судаков¹⁶.

О содержании же лекций, ставшем в дальнейшем предметом самого пристального разбирательства, судить представляется трудным. Причины этого мы обсудим в свое время. Пока же зафиксируем тезис о том, что и в случае с рассмотренным конфликтом проблемное разделение публичности и закрытости можно рассматривать как основание для конфликтной ситуации.

Хотя конфликт 1911 г., кульминацией которого стало увольнение из ИТУ, а затем суд и заключение под стражу И.А. Малиновского, имел выраженные политические оттенки, мыслимо говорить о стремлении членов университетской корпорации сохранить герметичность этого конфликта, а затем и вовсе «очистить» университет от него. В 1909 г. увидела свет работа профессора Малиновского «Кровавая месть и смертная казнь», написанная в поддержку требований депутатов Государственной думы об отмене смертной казни (*Профессора*, 1996, с. 162). Этой теме были посвящены и другие труды ученого, а также несколько докладов, сделанных им на заседаниях Юридического общества при ИТУ и в Литературном обществе. В 1910 г. вслед за публикацией работы «Русские писатели-художники о смертной казни» последовали обвинения автора в возбуждении «бунтовщических настроений». По воспоминаниям И.А. Малиновского, собирать материалы по этой теме он начал с лета 1907 г. Впоследствии работы Малиновского стали предметом рассмотрения Томской прокуратуры, Главного управления по делам печати¹⁷. В защиту ученого выступил Л.Н. Толстой. После оправдания на состоявшемся осенью 1911 г. уголовном процессе Малиновский между прочим получил поздравительную телеграмму от студентов 3-го курса ИТУ. В сентябре 1912 г. после повторного процесса профессор все же был признан виновным и приговорен к тюремному заключению, которое вскоре было отменено в связи с амнистией по случаю 300-летия Дома Романовых. Из профессоров ИТУ И.А. Малиновский, однако, был уволен еще 4 октября 1911 г.

Неприемлемость публичности конфликта как основание для последнего заметно проявилась и в истории противостояния Н.Я. Новомбергского и П.М. Богаевского. Как ясно из ранее сказанного, именно заметка в томской газете стала его триггером. Н.Я. Новомбергский предпочитал сохранять анонимность при обнародовании деталей конфликта и обличении своего противника. Профессор и впредь прибегал к газетным публикациям как средству борьбы в конфликте. С другой же стороны, заметным являлось стремление оградить широкую публику от деталей университетской жизни. Разделял это стремление и П.М. Богаевский. В начале 1912 г. он принял на себя обязательство «прекратить какие бы то ни было дальнейшие выступления» и «принудил себя молчать» при чтении очередного газетного послания Н.Я. Новомбергского. Заинтересованность в погашении конфликта высказывали ректор ИТУ И.А. Базанов, попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев, министр народного просвещения Л.А. Кассо. 20 декабря 1911 г. последний принял у себя в Петербурге Новомбергского и Богаевского. Позднее в своем письме Л.И. Лаврентьеву Кассо сообщил о состоявшемся тогда «полном

¹⁶ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 87.

¹⁷ Малиновский И.А. Маруся и дети // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 313–314.

примирении» профессоров¹⁸. П.М. Богаевский, вполне согласившийся прекратить конфликт, отмечал, что «над личным интересом должен преобладать вопрос достоинства университета»¹⁹. Однако Н.Я. Новомбергский продолжил газетную полемику. В очередном своем послании он заявил, что «о примирении не было и не могло быть речи»²⁰.

В данном случае Н.Я. Новомбергский пошел на намеренное нарушение негласных корпоративных правил и скорее всего все-таки установленных договоренностей. Тем самым мы вновь можем подтвердить ранее сказанное: подавление публичности как симптома конфликта лишь усиливает потенциал последнего. Понять это противоречие были готовы не все члены «университетской семьи». Поэтому эскалация оказывалась неизбежной. В январе 1912 г. Л.И. Лаврентьев в одном из писем отмечал: «Неугомонный профессор Императорского Томского университета г. Новомбергский, учинивший возмутительный скандал в здании этого высшего учебного заведения, имеющего высокую честь именоваться Императорским <...> до сих пор еще никак успокоиться не может и желает, по-видимому, продолжать затеянную им гнусную историю без конца»²¹.

Заметим, что публичность конфликтов в Императорском Томском университете производила побочный продукт в виде избытка материала, которое позволяет нам не просто восстановить их подробную «летопись», но и критично взглянуть, к примеру, на положение А.В. Свешникова о вытеснении скандалов из поля рефлексии научного сообщества [Свешников, 2005, с. 236]. Напротив, есть повод говорить о сверхрефлексии конфликтов в Императорском Томском университете, приводившей временами к пугающей неопределенности происходившего.

Трудно согласиться и с более конкретным положением о «молчании» источников в связи с темой академических конфликтов и связанной с этим трудности в их реконструкции [Свешников, 2005, с. 236–237]. В случае с конфликтами в ИТУ материалы для реконструкции самые разнообразные. Это не только источники личного происхождения, но и официально-деловая переписка, протоколы заседаний Совета, Правления, юридического факультета университета, материалы заседаний следственно-резолютивной комиссии, наконец, обильные материалы из периодической печати. С нашей точки зрения, такое разнообразие источников возникло не случайно, и связано оно во многом с контроверзой публичности/келейности конфликтов в университетах Российской империи конца XIX — начала XX в.: сверхрефлексия, в том числе в виде опубликования конфликта, призвана купировать конфликт, но в то же время она усиливает его, оставляя многочисленные информационные следы.

Нельзя при этом сказать, что обширные материалы облегчают путь к познанию истины, т. е. к выявлению правых и виноватых в конфликте. Напротив, категория вины применительно к рассматриваемым нами конфликтам подвергается заметной инфляции, теряя сколько-нибудь определенные смыслы.

Все же, с нашей точки зрения, можно выделить базовое и наиболее фундаментальное противоречие, которое лежало в основе большого множества конфликтов, возникших в сообществе Императорского Томского университета. Оно состоит в

¹⁸ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2707. Л. 109.

¹⁹ Там же. Л. 120.

²⁰ Утро Сибири. 1912. 10 января.

²¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2707. Л. 111.

том, что университетская корпорация не имела монолитной этики, разделяемой всеми ее членами. Больше того, корпоративная этика включала в себе две трудно совместимые, «конфликтные» альтернативы.

Нужно сказать, что, несмотря на явные разногласия, В.М. Флоринский, а также С.И. Залесский, А.С. Догель, С.И. Коржинский, Н.М. Малиев, наряду с рядом других первых профессоров ИТУ, были членами-учредителями и первыми действительными членами Общества естествоиспытателей и врачей при ИТУ. В.М. Флоринский принимал деятельное участие в жизни Общества, в частности, внес пожизненный взнос. Из личных средств попечителя в первые годы издавались и «Труды Общества естествоиспытателей и врачей при ИТУ». По инициативе Флоринского «Труды» и «Протоколы» Общества были включены в издание «Известий Императорского Томского университета» [*Некрылов*, 2013, с. 15].

25 сентября 1892 г. собрание Общества инициировало процедуру переизбрания правления. Председателем был избран профессор по кафедре хирургии ИТУ Э.Г. Салищев. Сам В.М. Флоринский от присутствия на собрании отказался, а после окончания даже не получил от коллег уведомления о переизбрании, хотя занимал квартиру в южном флигеле главного корпуса ИТУ, где также проходили собрания Общества. В дальнейшем В.М. Флоринский отказался принять диплом почетного члена Общества [*Там же*, с. 34].

С одной стороны, причиной случившегося можно назвать не устраивавший многих профессоров авторитарный стиль руководства В.М. Флоринского. Вместе с тем приемлемо говорить о более глубоких, мировоззренческих расхождениях, которые отчасти уже были затронуты ранее, когда речь шла о критике Флоринского в адрес ряда профессоров ИТУ. Говорилось, в частности, об их попустительском отношении к неподобающему, с точки зрения попечителя, поведению некоторых студентов.

Еще в декабре 1889 г. члены Правления ИТУ Н.М. Малиев, С.И. Коржинский, А.С. Догель воздержались от каких-либо мер наказания замеченных в нетрезвом виде студентов. В феврале следующего года те же профессора снисходительно отнеслись к проступку студента Святского, который в здании Дома общежития, будучи пьяным, вступил в пререкания, а затем и драку с педелем. Существенные мотивации профессоров к такому решению. Так, в Журнале Правления ИТУ от 21 декабря 1889 г. относительно первого из приведенных эпизодов мы читаем: «Профессор Коржинский не допускает, чтобы эти меры (И. о. ректора ИТУ В.Н. Великий предложил на заседании вынести провинившимся студентам выговор с занесением в Штрафную книгу. — *Прим. авт.*) были действительны и повлияли на исправление, и самые поступки не настолько важны, чтобы могли быть предметом Правления». И далее: «Профессор Догель высказался, что эта мера, ввиду маловажности поступков, подлежит рассмотрению Инспектора или ректора; к этому мнению присоединился профессор Малиев»²². Закономерно, что мера наказания перечисленными профессорами предлагалась весьма мягкая, симпатии их со всей определенностью склонялись в пользу Святского, а не «пострадавшего» служителя инспекции²³. По решению В.М. Флоринского, студент Святский все же был исключен из числа студентов Томского университета. Этот случай дал попечителю ИТУ повод подозре-

²² Там же. Оп. 1. Д. 480. Л. 37.

²³ Там же. Л. 42.

вать перечисленных профессоров, а также А.М. Зайцева в «легкомысленности» и даже политической неблагонадежности. Сохраняла актуальность и их предсудительная популярность среди студентов. Флоринский предполагал, что в дальнейшем профессора намеренно обходили своим присутствием те заседания Правления ИТУ, где рассматривались проступки студентов. Неслучайным, по мнению попечителя, было и отсутствие Коржинского, Догеля и Зайцева на заседании Правления 9 марта 1890 г., когда в повестке было избрание цесаревича Николая Александровича в почетные члены ИТУ²⁴. Таков фон, на котором 25 сентября 1892 г. В.М. Флоринский не был переизбран председателем Общества естествоиспытателей и врачей при ИТУ.

Сказанное заставляет нас говорить о том, что перед нами не история эпизодических антипатий членов университетской корпорации, а мировоззренческое столкновение. В самом деле, вопросы о статусе и уважении к фигуре студента, открытость научного процесса, границы допустимого в выражении собственной позиции не находят общего толкования сторонами рассмотренного конфликта. Нужно говорить о том, что в исследованном конфликте сталкиваются две этики: демократическая, разделяемая в дореволюционной России значительным числом членов университетского сообщества, и консервативно-охранительная. Очевидно, что солидарность с одной из двух этических систем диктовалась и политическими пристрастиями. Вместе с тем она ими не исчерпывалась.

Допустимы возражения, что рассмотренный конфликт из-за особого статуса В.М. Флоринского в сообществе ИТУ можно редуцировать до частного столкновения университетской профессуры и власти. Но фигуру В.М. Флоринского не так просто отнести к административному сообществу и противопоставить университетской корпорации. Ведь в его лице мы встречаем русского интеллигента, блистательно образованного ученого, который еще в 1863 г. был избран адъюнкт-профессором, а в 1868 г. — экстраординарным профессором по кафедре акушерства и гинекологии Медико-хирургической академии. С 1872 г. начинается чиновная деятельность Флоринского. Тем менее свои обязанности члена сначала академического суда, а затем и ученого комитета Министерства народного просвещения Флоринский совмещал с научно-преподавательской деятельностью: с 1877 г. он состоял ординарным профессором Императорского Казанского университета. Едва ли мировоззрение профессора Флоринского испытало трансформацию лишь под воздействием рода деятельности. По его дневникам, которые велись на протяжении почти всей жизни, мы можем убедиться, что становление взглядов ученого относится еще к его молодым годам. Флоринский сам ощущал свою принадлежность к сообществу первого сибирского университета.

Нельзя сбрасывать со счетов самоидентификацию профессора. Так, например, в его дневнике от 5 января 1892 г. мы встречаем такую запись: «Заутреня и обедня в Университетской церкви, по обыкновению, были выразительны. Разговлялась у нас большая часть нашей тесной университетской семьи»²⁵.

Официально-консервативную этику разделяло немало представителей профессорско-преподавательского корпуса ИТУ. Кроме упомянутого уже профессора-гигиениста А.И. Судакова, нужно указать на то, что после того, как В.М. Флоринский

²⁴ НМРТ. Ф. П-40. № 117959-226.

²⁵ Там же. П. 16. № 117959-109.

не был переизбран председателем Общества естествоиспытателей и врачей, 24 октября 1892 г. 15 его членов вышли из состава Общества. Среди них профессора ИТУ А.П. Коркунов, И.Н. Грамматикати, Ф.А. Ерофеев, В.Н. Великий, М.Ф. Попов, В.Я. Капустин, А.В. Репрев, П.В. Буржинский, тот же А.И. Судаков и ряд других [Некрылов, 2013, с. 33].

Должность В.М. Флоринского, а также его заслуги в качестве устроителя Томского университета не позволили рассмотренным конфликтам развиваться до острых фаз. В данном случае мы встречаем довольно четкое разделение членов томского университетского сообщества по критерию этической принадлежности. Ситуация, однако, усложняется тем, что любой член этого сообщества вынужден был выстраивать свое поведение, руководствуясь как демократической, так и официально-консервативной этикой. Разумеется, сохранить при этом последовательность и непротиворечивость подчас было весьма проблематично. Как и в случае с дилеммой публичности/келейности, необходимость удовлетворять началам двух этических кодексов представляла собой как превентивный элемент, так и катализатор конфликта. Это отразилось в коллизиях конфликтного поведения М.А. Рейснера в 1902–1903 гг.

По назначении исправляющим должность экстраординарного профессора по кафедре политической экономии ИТУ в 1898 г., а затем (с 1 июля 1899 г.) — экстраординарным профессором по кафедре государственного права М.А. Рейснер придерживался лояльной по отношению к власти стратегии. В первые свои годы преподавания в ИТУ он не находил той популярности среди студентов, которую заслужил в дальнейшем. С присущим ему красноречием, как вспоминал К.М. Гречищев, Рейснер читал лекции с акцентом на работы по праву морали и религии, а порой и вовсе «расшаркивался перед попечителем и профессором богословия». Тогда Рейснер приобрел репутацию «махрового монархиста»²⁶.

Как ясно из ранее сказанного, к 1902 г. ситуация изменилась. Рейснер вкладывал в свои лекции уже иное содержание, которое и привлекло внимание ректора ИТУ. О лекции Рейснера, прочитанной 7 октября 1902 г., он узнал из газеты. Из довольно подробного неавторизованного пересказа становится ясно, что лекция включала в себя не просто впечатления от заграничной поездки, но концептуальные рассуждения лектора о различиях общества и государства в России и Европе. В лекции, по газетной заметке, развитое местное самоуправление европейских стран противопоставлено отечественному централизму, «правомерность» и законность Запада — произволу и несправедливости России, западная тождественность государства и общества — радикальному противопоставлению двух этих величин в реалиях Российской империи. «Совершенно понятно, — приводились далее слова лектора, — что там, где администрация действует вне союза с обществом и вне его контроля, она ради самых благих целей склонна расширять по возможности рамки своей деятельности и сужать рамки права. При таких условиях право почти необходимо замыкается в рамки одного только судебного строя, а само уголовное право не только дополняется, но порой заменяется системой административных взысканий и дисциплинарных мер»²⁷.

²⁶ Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. С. 406.

²⁷ Сибирская жизнь. 1902. 10 октября.

Официально-консервативному этическому кодексу в данном случае противоречил не только сам факт обнародования лекции, которая должна была «умереть» в аудитории главного корпуса Императорского Томского университета, но и весьма скандализующее ее содержание. Мотивируя впоследствии увольнение М.А. Рейснера из профессоров ИТУ, А.И. Судаков использовал такие формулировки, как «злоупотребление кафедрами» и «неуважение и вражда к установленному в России законному порядку вещей».

Нужно признать, что именно на томский период жизни и творчества пришелся мировоззренческий перелом М.А. Рейснера. Это подтверждали как наблюдатели, так и сам Михаил Андреевич, написавший позднее, что «в Томском университете <...> под влиянием русской действительности» он «стал только либералом»²⁸. Приходится тем не менее признать, что не избавился М.А. Рейснер в 1902–1903 гг. от влияния своего прошлого мировоззрения, быть может, вынужденно сохраняя двойственную позицию в конфликте. Так, в ответ на просьбу А.И. Судакова признать или опровергнуть текст его вступительной лекции, напечатанный в «Сибирской жизни», Рейснер написал: «...означенной репортерской заметки я отнюдь текстом моей лекции признать не могу и не имею для такого признания никаких оснований». Больше того, далее профессор присовокупил следующее замечание: «Не могу вместе с тем не выразить моего крайнего удивления, что научные лекции в университете, будучи предметом моей должностной деятельности, становятся предметом репортерских отчетов в местной прессе, которые в свою очередь по общему правилу являются полным искажением истины»²⁹. Здесь мы встречаем как отрицание скандализующего содержания лекции, так и возмущение ее обнародованием. То есть Рейснер в этом письме солидаризируется с той этикой, которая де-факто уже противоречила его обновленному мировоззрению.

Спустя некоторое время, однако, редактор «Сибирской жизни», известный томский меценат П.И. Макушин, узнав о том, что Рейснер отрицает авторство репортерской заметки о лекции, прочитанной 7 октября 1902 г., предоставил А.И. Судакову рукопись собственноручно написанной Рейснером этой заметки. В своем письме С.М. Лукьянову Судаков отмечал, что текст рукописи «дословно» соответствовал газетной публикации³⁰.

Таким образом, основание конфликта вокруг обнародования и содержания лекции М.А. Рейснера содержит в себе проблематическое сосуществование двух этических систем в университетской корпорации. Та же проблема в полной мере оказалась актуальной для П.М. Богаевского. В ноябре 1911 г. в газетах «Русское слово» и «Речь» была опубликована анонимная заметка «Донос профессора на товарища», в которой профессор ИТУ Богаевский был обвинен в доноситечестве декану юридического факультета на профессора Новомбергского и возбуждении против последнего враждебности студентов³¹. С высокой вероятностью можно предполагать, что авторство этой заметки принадлежит Н.Я. Новомбергскому.

Нужно отдать должное конфликтной искушенности профессора Новомбергского, который в противостоянии с П.М. Богаевским беспронимно направил удар

²⁸ Утро Сибири. 1917. 4 января.

²⁹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 21.

³⁰ Там же. Л. 41.

³¹ Русское слово. 1911. 3 ноября; Речь. 1911. 4 ноября.

в точку этического раскола на коллективном портрете русского профессора конца XIX — начала XX в. В реалиях рассматриваемой эпохи разрешение резонансных академических конфликтов почти всегда зависело от конвенций с административными структурами. Как мы убедились, сверхзадача последнего была направлена на герметизацию конфликта. Вместе с тем альтернативная демократическая этика нередко требовала развития этого конфликта. В центре столкновения двух этих встречных тенденций оказался П.М. Богаевский. С одной стороны, он принял примирение — ложное, как выяснилось затем. В то же время принятие этих условий означало сотрудничество с властью и, соответственно, нарушение демократического кодекса русского профессора. Вслед за этим Богаевский встретил изощенный встречный ход Н.Я. Новомбергского, который, повторим, решил отрицать примирение, якобы состоявшееся в кабинете министра народного просвещения. Сохранялись к тому же и тяжелейшие обвинения в доноситељстве.

Профессор Богаевский в итоге, в отличие от своего контрагента, оказался перед сложным выбором: между отступлением и автоматическим при этом признанием себя доносчиком и, с другой стороны, эскалацией конфликта и принятием образа его разжигателя. П.М. Богаевский, таким образом, был в эпицентре фундаментального противоречия в университетской этике Российской империи рассматриваемого периода.

Резюмируя предложенные основания и закономерности конфликтов в университетском сообществе России конца XIX — начала XX в., подчеркнем, что их развитие можно связывать с коренными противоречиями в этике этого сообщества. Противоречия включали в себя дилеммы между личным и коллективным интересом, герметизацией и обнародованием конфликта. Впрочем, эти противоречия вытекают из другой фундаментальной этической контрверзы.

С одной стороны, университетские ученые жили под влиянием традиционной для русской интеллигенции в целом оппозиционности власти и консервативно-охранительным ценностям. Демократическая этика накладывала и запрет на привлечение административных структур, т. е. инстанций, облеченных репрессивной властью, в качестве посредника в конфликте. Конфликты в сообществе Императорского Томского университета показывают, что две этики тем не менее были глубоко взаимосвязаны, и последовательное уклонение от консервативно-охранительных ценностей ставило в тупик по крайней мере одну из сторон конфликта. Действительно, для многих героев статьи, что отчасти уже ясно из ранее сказанного, конфликты окончились увольнением из ИТУ.

1917-й год и приобретение автономии, на первый взгляд, снимали это напряженное противоречие, чем во многом и объяснялась широкая поддержка Февральской революции университетской интеллигенцией. История, однако, развивалась таким образом, что в 1930–1950-е гг. произошла эрозия демократической этики, открывшая путь к моральной легитимации практик доноситељства, использованию государственных и партийных инстанций в качестве инструмента в конфликтах, распространению коллективных, в том числе обличительных, писем ученых. Думается, что в советское время, в отличие от дореволюционной России, эти тенденции утратили былой этический противовес.

Источники

Богословский М.М. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного исторического музея. М.: Время, 2011. 423 с.

Восточное обозрение. Газета литературная и политическая. Иркутск. 1989.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 1061; Оп. 9. Д. 62; Ф. 126. Оп. 1. Д. 480; Оп. 2. Д. 2707, 1673.

Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 368–406.

Малиновский И.А. Маруся и дети // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 286–340.

Национальный музей республики Татарстан (НМРТ). Ф. П-40. № 117959-875, 117959-226; П. 16. № 117959-109.

Особое мнение Ректора Императорского Томского университета орд. проф. А.И. Судакова // Мнения членов Совета Императорского Томского университета относительно предложенных г. министром народного просвещения изменений в действующий Университетский устав 1884 г. Томск: Тип. Епархиального братства, 1901. С. 1–131.

Речь. Ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. Санкт-Петербург. 1911.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 150. Д. 941.

Русское слово. Ежедневная газета без предварительной цензуры. Москва. 1911.

Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск. 1902–1917.

Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск. 1902.

Утро Сибири. Газета общественно-экономическая, политическая и литературная. Томск. 1910–1917.

Литература

Антощенко А.В. Университетский устав 1863 г. и конфликты в профессорской среде // Культура и интеллигенция России. Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций. Материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием в рамках программы подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской истории (Омск, 16–18 октября 2012 г.) / Отв. ред. В.Г. Рыженко, О.В. Петренко. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 31–33.

Баранец Н.Г., Веревкин А.Б., Савинова Л.Г. О причинах научных конфликтов // Власть. 2012, № 4. С. 115–117.

Беляева О.М. Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Гримма: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 215–235.

Грибовский М.В. Профессорский гонорар как зеркало университетского вопроса конца XIX — начала XX в. // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 144–163.

Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 360 с.

Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 258 с.

Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 4. (Гуманитарные науки). С. 18–31.

Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I. 1888–1917 / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.

Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. 903 с.

Свешников А.В. «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX — начала XX в. // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 228–258.

Свешников А.В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта). Новое литературное обозрение. 2009. № 96. 29 августа 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/sv7.html> (дата обращения: 29.08.2020).

Степнов А.О., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф. Этика взаимоотношений в университетской корпорации г. Томска на примере конфликта на юридическом факультете весной-летом 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 180–191.

Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Коллективный портрет профессоров Императорского Томского университета в зеркале их взаимоотношений со студенчеством (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2019а. № 446. С. 159–169.

Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Между Сциллой послушания и Харибдой независимости: конфликт профессоров Императорского Томского университета П.М. Богаевского и Н.Я. Новомбергского осенью-зимой 1911–1912 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2019б. № 448. С. 179–186.

Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет: сотрудничество и конфликты // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 289 (декабрь). Сер. «История. Краеведение. Этнология. Археология». С. 177–187.

Gribovskiy M., Sorokin A. Standards of Corporate Ethics in the Russian University Environment in the Late XIX — Early XX Century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51, Is. 1. P. 314–324.

Fominykh S., Stepnov A. M.A. Reisner and the Provincial Aspect of Academic Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 48, Is. 2. P. 804–816.

Conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University: On the Foundations of Conflicts in the Universities of the Russian Empire During the Late XIX — Early XX Centuries

SERGEY A. NEKRYLOV

Tomsk State University,
Tomsk, Russia;
e-mail: medicinahistory@yandex.ru

ALEKSEY O. STEPNOV

Tomsk State University,
Tomsk, Russia;
e-mail: brothe.numbl@gmail.com

The prerequisites for the formation (grounds) of conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University are investigated. The article is based on the materials of the office documentation, periodicals and sources of personal origin. The aim of the study is to characterize the ethics of the Russian University Community during the late 19th — early 20th centuries in relation to the grounds of these conflicts. The main research methods are comparative historical and historical abstraction. To achieve the aim, the authors considered the conflicts in the Community of the Imperial Tomsk University from the point of view of a number of contradictory trends. These are the contradictions between the personal and corporate interests of the participants of conflicts, between the manifestation of conflicts and their isolation in the Community of the University, and finally, between the adherence to democratic ethics and the need to build conflict behavior depending on the conservative ethics. The main accusations of the participants of conflicts, the strategies of their conflict behavior, the function of the Rector of the Tomsk University, the Curator of the West Siberian educational district and officials of the Ministry of Public Education in conflicts reveal the coexistence of two alternative principles in university ethics. On the one hand, a controversial ethical system separated the Community of the Imperial Tomsk University into two groups. This division was partly based on the criterion of the political views. At the same time, the situation of the conflict forced their participants to choose between two largely contradicting ethical codes. The advantages were accordingly gained by those participants in the conflicts who confronted their opponents with the unrealizable choice: between self-exposure, or voluntary defeat in the conflict, as an adept of the Government (as an informer) and the escalation of the conflict as its instigator. In the first case, the participant of the conflict doomed himself to condemnation of his colleagues, and in the second — to the disfavor of his superiors. It is emphasized that the Professors who found themselves in the conditions of such a choice (S.I. Korzhinskiy, M.A. Reisner, P.M. Bogaevskiy, P.I. Lyashchenko and a number of others) voluntarily or forcibly left the Imperial Tomsk University.

Keywords: university, conflict studies, history, corporation, ethics, professors, Russian Empire.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research grant No. 19-311-90003.

References

- Antoshchenko, A.V. (2012). Universitetskiy ustav 1863 g. i konflikty v professorskoy srede [University charter of 1863 and conflicts among professors], In: *Kul'tura i intelligentsiya Rossii... Materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Culture and intelligentsia of Russia. Proceedings of the VIII All-Russian scientific conference with international participation]. Omsk, pp. 31–33 (in Russian).
- Baranec, N.G., Verevkin, A.B., Savinova L.G. (2012). O prichinakh nauchnykh konfliktov [On the causes of scientific conflicts], *Vlast'*, no. 4, pp. 115–117 (in Russian).
- Belyaeva, O.M. (2011). Akademicheskoye soobshchestvo Peterburgskogo universiteta v rektorstvo E.D. Grimma: konflikty v professorskoy srede [The academic community of St. Petersburg university in the rector's office of E.D. Grimm: Conflicts in the professorial environment], *Dialog so vremenem*, iss. 34, pp. 215–235 (in Russian).

Bogoslovski, M.M. (2011). *Dnevniky. 1913–1919: Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Diaries. 1913–1919: From the collection of the State Historical Museum], Moskva: Vremya (in Russian).

Cherkaz'yanova, I.V. (2005). *Popechitel' uchebnogo okruga L.I. Lavrent'yev i Tomskiy universitet: sotrudnichestvo i konflikty* [The trustee of the educational district L.I. Lavrentiev and Tomsk university: cooperation and conflicts], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 289. Ser. "Istoriya. Krayevedeniye. Etnologiya. Arkheologiya", pp. 177–187 (in Russian).

Fominyh, S.F, Stepnov, A.O. (2019a). *Kollektivnyy portret professorov Imperatorskogo Tomskogo universiteta v zerkale ikh vzaimootnosheniy so studenchestvom (konets XIX — nachalo XX v.)* [A collective portrait of professors of the Imperial Tomsk university in the mirror of their relationships with students (late 19th — early 20th centuries)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 446. pp. 159–169 (in Russian).

Fominyh, S.F, Stepnov, A.O. (2019b). *Mezhdru Stsilloy poslushaniya i Haribdoy nezavisimosti: konflikt professorov Imperatorskogo Tomskogo universiteta P.M. Bogaevskogo i N.Ya. Novombergskogo osen'yu-zimoy 1911–1912 gg.* [Between the Scylla of obedience and the Charybdis of independence: The conflict of professors of the Imperial Tomsk university P.M. Bogaevsky and N.Ya. Novombergsky During the autumn-winter of 1911–1912], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 448. pp. 179–186 (in Russian).

Fominykh, S., Stepnov, A. (2018). *M.A. Reysner i provintsial'nyy aspekt akademicheskikh konfliktov v soobshchestve Imperatorskogo Tomskogo universiteta* [M.A. Reisner and the provincial aspect of academic conflicts in the community of the Imperial Tomsk university], *Bylye Gody*, 48 (2), 804–816 (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (GATO) [State archive of the Tomsk Oblast], f. 102. op. 1. d. 1061; op. 9. d. 62; f. 126. op. 1. d. 480; op. 2, d. 2707, 1673.

Grechishchev, K.M. *Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.)* (2014) [From the life of Tomsk University students (before 1900)], in: *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [The Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries], Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, pp. 368–406 (in Russian).

Gribovskiy, M., Sorokin, A. (2019). *Normy korporativnoy etiki v rossiyskoy universitetskoj srede kontsa XIX — nachala XX v.* [Standards of corporate ethics in the Russian university environment in the late XIX — early XX c.], *Bylye Gody*, 51 (1), 314–324 (in Russian).

Gribovskiy, M.V. (2018). *Professorskiy gonorar kak zerkalo universitetskogo voprosa kontsa XIX — nachala XX v.* [Professorial honorarium as a mirror of the “university issue” in the late 19th — early 20th century.], *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], no. 62, pp. 144–163 (in Russian).

Ivanov, A.E. (2010). *Mir rossiyskogo studenchestva. Konets XIX — nachalo XX veka* [The world of Russian students. Late 19th — early 20th century.], Moskva: Novyy khronograf (in Russian).

Malinovskiy, I.A. (2014). *Marusya i deti* [Marusya and children], in: *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [The Imperial Tomsk university in the memoirs of contemporaries], Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, pp. 286–340 (in Russian).

Natsional'nyy muzey respubliki Tatarstan (NMRT) [National museum of the Republic of Tatarstan], f. П-40, no. 117959-875, 117959-226; П. 16, no. 117959-109.

Nekrylov, S.A. (2013). *Nauchnyye obshchestva v Tomskom universitete v dorevolyutsionnyy period* [Scientific societies in the Tomsk university during the pre-revolutionary period], Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta (in Russian).

Novikov, M.V., Perfilova, T.B. (2013). *Universitetskiy ustav 1863 g.: predely akademicheskogo samoupravleniya* [The University charter of 1863: Limits of the academic self-government], *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik*, 1 (4): gumanitarnye nauki, 18–31 (in Russian).

Osoboye mneniye Rektora Imperatorskogo Tomskogo universiteta ord. prof. A.I. Sudakova (1901) [The minority report of the rector of the Imperial Tomsk University ord. prof. A.I. Sudakov], in: *Mneniya chlenov Soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta otnositel'no predlozhennykh g. ministrom narodnogo prosveshcheniya izmeneniy v deystviyushchiy Universitetskiy ustav 1884 g.* [Reports of the members of the Council of the Imperial Tomsk University regarding the changes proposed by the

Minister of Public Education to the current University Charter of 1884], Tomsk: Tip. Eparkhial'nogo bratstva, pp. 1–131 (in Russian).

Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'. Vyp. I. 1888–1917 (1996) [Professors of Tomsk University. Biographical dictionary. Iss. I. 1888–1917], Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta (in Russian).

Rech'. Ezhednevnyaya politicheskaya, ekonomicheskaya i literaturnaya gazeta (1911) [The Speech. Daily political, economic and literary newspaper], Sankt-Peterburg.

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive], f. 733, op. 150, d. 941.

Rostovcev, E.A. (2017). Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoye sosloviye, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Moscow University of the Russian Empire: academic estate, society and power (second half of the 19th – early 20th c.)], Moskva: ROSSPEN (in Russian).

Russkoye slovo. Ezhednevnyaya gazeta bez predvaritel'noy tsenzury (1911) [The Russian Word. Daily newspaper without prior censorship], Moskva.

Sibirskaya zhizn'. Gazeta politicheskaya, literaturnaya i ekonomicheskaya (1902–1917) [The Siberian life. Political, literary and economic newspaper], Tomsk.

Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni (1902) [The Siberian bulletin of politics, literature and public life], Tomsk.

Stepnov, A.O., Nekrylov, S.A., Fominyh, S.F. (2018). Etika vzaimootnosheniy v universitetskoy korporatsii g. Tomsk na primere konflikta na yuridicheskom fakul'tete vesnoy-letom 1917 g. [The ethic of relationships in the university corporation of Tomsk: A case study of the conflict at the faculty of law of Tomsk university during the spring and summer of 1917], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 426, pp. 180–191 (in Russian).

Sveshnikov, A.V. (2005). «Vot vam istoriya nashey istorii». K probleme tipologii nauchnykh skandalov vtoroy poloviny XIX — nachala XX v. [“Here's the story of our history”. On the problem of the typology of scientific scandals in the second half of the 19th — early 20th centuries.], in: *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik, vyp. 1* [The world of the Historian: A historiographical collection, Iss. 1], Omsk, pp. 228–258 (in Russian).

Sveshnikov, A.V. (2009). Kak possorilsya Lev Platonovich s Ivanom Mikhaylovichem (istoriya odnogo professorskogo konflikta) [How Lev Platonovich quarreled with Ivan Mikhailovich (The story of one professorial conflict)], *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 96. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/96/sv7.html> (date accessed: 29.08.2020) (in Russian).

Utro Sibiri. Gazeta obshchestvenno-ekonomicheskaya, politicheskaya i literaturnaya (1910–1917) [The Siberian Morning. Socio-economic, political and literary newspaper], Tomsk.

Vostochnoye obozreniye. Gazeta literaturnaya i politicheskaya (1989) [The Eastern Review. Literary and political newspaper], Irkutsk.